

Н. А. КАЗАКОВА

РУССКО-ГАНЗЕЙСКИЙ ДОГОВОР 1514 г.

Русско-немецкие торговые договоры XII—XVI вв. — важнейший источник для изучения истории торговли русских земель с немецкими городами, объединившимися в XIV в. в союз, получивший название Ганзы. В договорах отражены различные стороны русско-немецкой торговли: условия проезда и торговли купцов, правовое положение их на чужбине, юрисдикция каждой из сторон по отношению к купцам другой национальности, положение купцов в случае возникновения военных конфликтов и т. д. Наблюдения над изменением содержания и формул договоров в сочетании с данными других источников позволяют проследить и направление торговой политики обеих сторон. Благодаря значению договоров для изучения русско-немецкой торговли они использовались авторами всех работ, посвященных исследованию торговых и дипломатических сношений между Россией и Ганзой.

Договоры являлись и предметом специального источниковедческого исследования: им посвящена капитальная монография Л. Гетца,¹ состоящая из двух частей. В первой части автор рассматривает договоры с немецкими городами Новгорода и Пскова, во второй — Смоленска и Полоцка. Не все договоры проанализированы Л. Гетцем с одинаковой полнотой, порою его исследование носит односторонний историко-юридический характер (статьи договоров рассматриваются с точки зрения отражения русского или немецкого права без достаточного учета исторических процессов, происходивших в странах-контрагентах и влиявших на изменение норм договоров), но в целом книга Л. Гетца, знатока средневекового права и средневековой торговли, имеет несомненную ценность.

К сожалению, за рамками этой книги остался русско-ганзейский договор 1514 г. на том основании, что он был заключен после закрытия в 1494 г. Немецкого двора в Новгороде — события, знаменовавшего, с точки зрения автора, прекращения новгородско-ганзейской торговли. Этому договору в исторической литературе вообще не повезло: поскольку история русско-ганзейской торговли после закрытия Немецкого двора в Новгороде до сих пор еще не

¹ L. Goetz. Deutsch-russische Handelsverträge des Mittelalters. Hamburg, 1916.

стала предметом специального исследования, постольку и договор 1514 г. не подвергался сколько-нибудь обстоятельному анализу. В литературе о нем имеются лишь упоминания, сводящиеся, как правило, к указанию на возобновление посредством договора торговли с Ганзой и беглому пересказу части его статей. Подробнее на договоре 1514 г. останавливаются лишь два автора: Р. Кентманн в работе, посвященной русско-ливонско-литовским отношениям начала XVI в., и С. Свенссон в исследовании об экономических причинах ливонской войны. Р. Кентманн освещает предысторию договора, но анализа самого договора, разбора его статей не дает; заключение договора она оценивает как успех ливонских городов. С. Свенссон, напротив, не касаясь предыстории договора, останавливается на его содержании: приведя важнейшие статьи договора, он правильно подчеркивает, что в договоре нашло отражение стремление русских к развитию своей заграничной торговли. Но договор в целом С. Свенссон рассматривает как отвечающий в первую очередь интересам ганзейских купцов, добившихся восстановления права торговли в Новгороде и снятия запрета с ввоза соли ганзейцами в Россию. Договор, с точки зрения С. Свенссона, представлял собою отступление от общей линии торговой политики России конца XV—начала XVI в.²

Значение договора 1514 г. в истории русско-ганзейских отношений может быть выяснено лишь в результате как изучения его предыстории, так и всестороннего анализа его содержания. Уже а priori можно предполагать, что договор 1514 г. представляет большой интерес. В цепи русско-немецких торговых договоров XII—XVI вв. он является последним. Следовательно, в нем подводится итог многовековому развитию русско-ганзейской торговли. Исследованию договора 1514 г. и посвящена настоящая статья.

От периода новгородской самостоятельности сохранился ряд договоров Новгорода с немецкими городами и Ганзой начиная с договора 1189—1199 гг. и кончая договором 1466 г. По объему и полноте содержания эти договоры различны: в одних подробно рассматриваются условия русско-немецкой торговли, другие включают преимущественно постановления по частным конфликтам, случившимся в практике новгородско-ганзейской торговли.

Несмотря на различие содержания, в договорах, за исключением нескольких, целиком посвященных разрешению отдельных конфликтов, можно выделить группу повторяющихся статей. К числу их относятся статьи, содержащие взаимные гарантии для купцов обеих сторон, а именно:

² R. K e n t m a n n. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik, 1494—1514. Marburg, 1929, стр. 68—73; S. S v e n s s o n. Den merkantila bakgrunden till Rysslands anfall pa den livländska ordensstaten 1558. Lund, 1951, стр. 37—39.

1) беспрепятственного проезда («со своим товаром чистый путь приезжать и отъезжать, горой и водой, по старому крестному целованию и по сему крестному целованию, без всякой хитрости»);

2) справедливого суда («исправу дать по всем обидным делам, по старым грамотам и крестному целованию, по сей грамоте и на сей руке, без хитрости»);

3) защиты от произвола местных властей («нѣмчина не сажати в погребѣ Новгородѣ, ни новгородца в Нѣмцѣхъ»);

4) ограничения тяжёлых дел только заинтересованными лицами («а истцу ведаться с истцом и исправу дать, по крестному целованию»);

5) безопасности купца в случае военных конфликтов («А се которое орудье завяжется в обидѣ промежи Великого Новагорода с [с]вѣтскимъ королюмъ, или с велневицами, или с пискупомъ рискъмъ, или с пискупомъ юрьевскимъ, или с пискупомъ островскимъ, или с ругодивци, или розбоиники на морѣ, а то купцамъ не надобѣ»).³

Эти статьи, устанавливавшие основы русско-немецких торговых отношений, с течением времени менялись в своих формулировках, но суть их оставалась неизменной. Устойчивость на протяжении нескольких столетий основополагающих статей составляет характерную особенность новгородско-немецких торговых договоров.

Другая особенность договоров Новгорода с немецкими городами заключалась в том, что в договорах, детализирующих условия пребывания и торговли купцов на чужбине (договоры 1189—1199, 1262—1263, 1269 гг.), речь шла преимущественно о немецких купцах в Новгороде и Новгородской земле. Показательно, что и статьи, гарантирующие купцам безопасность в случае военных конфликтов, также были рассчитаны главным образом на немецких купцов в Новгороде.

Эти особенности новгородско-немецких торговых договоров весьма знаменательны: они свидетельствуют о том, что основы новгородско-ганзейской торговли, сложившиеся в XII—XIII вв., оставались неизменными и что центром новгородско-ганзейской торговли (а через Новгород совершалась почти вся торговля Руси с Западной Европой) являлся немецкий торговый двор в Новгороде.

В XV в. Новгород предпринимает попытки изменить существующие отношения с Ганзейским союзом. Новгородское правительство начинает борьбу за создание более выгодных условий торговли для новгородских купцов. Эта борьба происходила по двум линиям. Во-первых, новгородское правительство стремилось добиться изменения сложившегося еще в первый период новгородско-

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949 (далее — ГВНП), стр. 125, 107, 56, 75, 82—83.

немецких торговых сношений порядка торговли между новгородцами и ганзейцами в Новгороде. Этот порядок торговли, не нашедший отражения в нормах договоров, но имевший в силу «старинны» значение этих норм, предоставлял ганзейским купцам ряд преимуществ: ганзейцы имели право продавать свои товары без осмотра, измерения, взвешивания и т. д., в то время как новгородские купцы не только должны были предъявлять для осмотра свои товары, но и давать к ним «наддачи» — надбавки, являвшиеся своего рода компенсацией за возможную недоброкачественность. Новгородцы требуют теперь обязательного взвешивания, измерения и осмотра ганзейских товаров, продаваемых в Новгороде, ликвидации «наддач» к товарам новгородцев и т. д. В то же время правительство Новгорода, идя навстречу возрастающей торговой активности новгородских купцов, стремится добиться от Ганзы «чистого пути за море» — гарантии в безопасном проезде на заморские рынки для купцов Новгорода. Эту гарантию новгородское правительство понимало как обязательство Ганзы разыскивать и возвращать новгородцам товары, захваченные у них на море пиратами. Из истории новгородско-ганзейских отношений известны случаи, когда товары, отнятые пиратами у новгородских купцов и попавшие затем в ганзейские города, возвращались последними Новгороду. Но в новгородско-ганзейских договорах не было статьи об обязательстве Ганзы разыскивать и возвращать товары ограбленных на море новгородцев. Начиная с 20-х годов XV в. новгородское правительство, добиваясь для своих купцов «чистого пути» за море, выдвигает требование о включении этой статьи в формуляр новгородско-ганзейских договоров.⁴

В своей борьбе против Ганзы Новгород не был одинок. С конца XIV в. в скандинавских государствах, Англии, Фландрии и других европейских странах развертывается борьба против привилегий ганзейцев.⁵ В основе этой борьбы лежало развитие промышленности и торговли, побуждавшее правительства складывающихся абсолютистских монархий вступать на путь покровительства национальному купечеству. Но правительство Новгорода в борьбе с Ганзой не проявляло достаточной настойчивости и последовательности. Новгородской боярской республике, раздираемой внутренними противоречиями, сломить привилегии ганзейцев было не под силу.

⁴ О борьбе Новгорода против Ганзы в XV в. см.: Н. А. Казакова.

1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. Исторические записки, т. 28. М., 1949, стр. 111—131; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. Исторические записки, т. 47. М., 1954, стр. 259—290.

⁵ Большой материал о взаимоотношениях Ганзейского союза с европейскими государствами содержится в кн.: E. Daenell. Die Blütezeit der deutschen Hanse, Bd. I—II. Berlin, 1905—1906.

Положение изменилось с вхождением Новгорода в состав Русского централизованного государства. В 1487 г. в Новгороде был заключен новый русско-ганзейский договор. Формально договор 1487 г. был заключен между Новгородом и Ганзой, но фактически он заключался правительством Русского централизованного государства, представленного великокняжескими наместниками в Новгороде. Договор 1487 г., помимо обычных гарантий свободного проезда, торговли и справедливого суда для купцов обеих сторон, а также гарантии их безопасности в случае военных конфликтов, включал две новые статьи. По одной из них Ганза брала на себя ответственность за ограбления новгородских купцов на море, что означало по существу удовлетворение давнего требования новгородцев о «чистом пути за море». Другая статья устанавливала правила дележа между новгородцем и немцем товаров, оставшихся после кораблекрушения; этой статьей также подтверждалось признание Ганзой торгового мореплавания новгородцев. Обе статьи целиком отвечали интересам русской стороны, так как сформулированные в них нормы содействовали развитию русской заграничной торговли.⁶

В конце 80-х—начале 90-х годов великокняжеское правительство принимает меры и к ликвидации привилегий ганзейцев в сфере торговых сделок, заключавшихся в Новгороде. В 1488 г. наместник великого князя издал распоряжение о торговле солью и медом только по весу, а не мешками и бочками, как это делали ганзейцы исстари (ганзейцы наживались, уменьшая размеры бочек и мешков). В 1494 г. последовало новое распоряжение наместника о запрещении покупаемый ганзейцами у новгородцев воск «колупать» (откалывать для проверки качества куски без зачета их в вес воска) и требовать «наддач» к мехам, приобретаемым у новгородцев.⁷ Так, в ближайшие десятилетия после присоединения Новгорода к Москве великокняжеское правительство решило давний спор между Новгородом и Ганзой о «чистом пути за море» и порядке торговли в Новгороде в пользу русской стороны.

В 1494 г. правительство Ивана III нанесло Ганзе еще один удар. Ганзейские купцы, находившиеся в Новгороде, были арестованы вместе со своими товарами, а немецкий торговый двор был закрыт. Правительство свой поступок разъясняло как ответную меру на насилия над русскими купцами в ливонских городах, и

⁶ Анализ договора 1487 г. и перевод его см.: Н. А. Казакова. Русско-ганзейский договор 1487 г. Новгородский исторический сборник, № 10. Новгород, 1961, стр. 217—226. Сохранившийся на немецком языке текст договора напечатан: Hanserecesse, 3-te Abteilung (далее — HR 3), Bd. II. Leipzig, 1883, № 136.

⁷ Н. А. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в., стр. 280—282.

в частности на казнь двух русских в Ревеле. В действительности причины закрытия ганзейского двора в Новгороде были более глубокими: их надо искать в общем направлении политики Русского централизованного государства по отношению к Ганзе, имевшем целью ликвидацию тягостного посредничества Ганзы в торговле между Русью и Западом, утверждение независимости внешней торговли и переход ее в руки русского купечества.⁸

Закрытие Немецкого двора в Новгороде больно ударило по интересам Ганзы, так как торговля с Русью всегда являлась одним из краеугольных камней процветания Ганзейского союза. Вопрос о возобновлении торговли в Новгороде становится одним из предметов постоянной заботы Ганзы в конце XV—начале XVI в. Неоднократно ганзейцы обращались к посредничеству германского императора и ливонского магистра. Дважды — в 1498 г. и в 1510 г. — ганзейские посольства вели переговоры с русскими о восстановлении мира, но безрезультатно. Остановимся на некоторых моментах этих переговоров, так как они имеют существенное значение для понимания договора 1514 г.

Переговоры 1498 г., происходившие в Нарве, касались в основном двух вопросов: о судьбе задержанных в 1494 г. в Новгороде купцов и конфискованных у них товаров и о положении русских в Ливонии. Настаивая на справедливости своих действий в 1494 г., русские представители требовали, чтобы ганзейские города «дали бы исправу» по поводу насилий над русскими в Ливонии и взяли бы на себя обязательство «очистить» русские церкви и русские концы в городах Ливонии и впредь не причинять им никакого вреда.⁹ Ганзейские послы заявили, что требования русской стороны не обоснованы, так как никакие насилия над русскими и их церквями в ливонских городах не совершались; что касается казни двух русских в Ревеле, то они были приговорены к смерти за свои проступки. Со своей стороны ганзейские послы жаловались на несправедливое задержание в Новгороде немецких купцов и требовали их освобождения. Переговоры не дали никаких результатов.

В 1510 г. в Россию прибыло новое ганзейское посольство, возглавляемое секретарем совета Любека Иоганном Роде. Переговоры происходили в феврале—марте в Новгороде, куда из Пскова при-

⁸ Там же, стр. 287—289. Ср. также: К. В. Базилевич. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., 1952, стр. 379—386.

⁹ «Unnd gy schollen erst recht geven in dusszer saken (выше речь шла о насилиях над русскими в Ливонии, — *Н. К.*), wenthe gy juw na der crutzkussinge nicht en richten. Gy sollen de kerken Gades unser Greekschen ee und de Ruschen ende in den steden in Lifflant, to Righa, Darpte und Reval und in anderen steden reune ho'den na der kruszkussinge und nicht vorweldigen» (Liv-Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 2-te Abteilung (далее — LUB 2), Bd. I. Riga—Moskau, 1900. № 647, стр. 478. Отчет ганзейских послов о переговорах в Нарве в 1498 г.).

ехал сам великий князь. Послы от имени Ганзы просили о восстановлении мира и торговли в Новгороде по старине и о возврате конфискованных в 1494 г. у немецких купцов товаров (сами купцы к этому времени были освобождены).¹⁰ Великий князь в своем ответе, переданном через его представителей, указал, что ганзейские послы могут хлопотать о мире по старине, если города пожелают принять обязательство не вступать в союз с государствами, ему враждебными, а также дать исправу по жалобам русских, «очистить» русские церкви и концы и о конфискованных товарах больше не говорить.¹¹ Подробнее программа русской стороны была изложена в проекте мирного договора, врученном представителями великого князя ганзейским послам спустя несколько дней.

Русский проект 1510 г. существенно отличается от предшествовавших новгородско-ганзейских договоров. Необычно его введение, в котором на ганзейские города возлагается обязанность русские церкви и концы в немецких городах «очистить» и впредь вреда им не чинить. В тексте проекта, помимо статей, содержащих обычную для всех новгородско-ганзейских договоров взаимную гарантию беспрепятственного пути, свободной торговли и личной безопасности Ганзы за ограбление новгородцев на море и о дележе товаров, оставшихся после кораблекрушения, заимствованных из договора 1487 г., имеется ряд совершенно новых условий. Отметим важнейшие из них: 1) немецким купцам запрещалась торговля в Новгородской земле солью; 2) вводился новый порядок судопроизводства, по которому ограничивалась юрисдикция местных властей: их суду купцы-иноземцы (немецкие в Новгороде и русские в немецких городах) подлежали только по гражданским делам, иски по которым не превышали 10 новгородских рублей; все остальные дела рассматривались совместным судом, состоящим из русских и немецких представителей; 3) ганзейские города обязывались не оказывать помощи Польше, Литве, Швеции, а также ливонскому магистру в случае конфликта их с Россией.¹²

Естественно, что русский проект договора встретил осуждение со стороны ганзейских послов. Наибольшие возражения с их стороны вызвало, если судить по отчету Иоганна Роде, запрещение торговли солью: послы указывали, что соль — это дар божий, что

¹⁰ HR 3, Bd. V. Leipzig, 1894, № 543. Требования ганзейского посольства.

¹¹ «Dan wo'den de steder sick nicht mer myt den k. van Polen, Sweden unde ander tegen syn lande vorbynden etc., ock aver der synen klacht recht geven etc. unde der Ruschen ende unde kercken reyn maken unde van den guderen nicht mer seggen, szo mochten de heren sendebaden umme enen frede upt olde handelen» (HR 3, Bd. V. № 541. Отчет Иоганна Роде о посольстве в Новгород в 1510 г., § 35).

¹² HR 3, Bd. V, № 544.

молодые люди учатся на ней торговле, что немецкая церковь и двор в Новгороде не могут быть в хорошем состоянии, если купец не сможет привозить всех товаров и т. д. Резкое осуждение ганзейского посольства вызвал также пункт об ограничении юрисдикции местных властей: послы заявили, что они не уполномочены отказываться от права городов творить суд. Русский проект послы охарактеризовали как неприемлемый и отказались с ним согласиться.¹³

Переговоры о мире возобновились лишь в 1514 г. К сожалению, о ходе их мы знаем очень мало, так как отчет ганзейских послов не сохранился. Из письма послов Дерпта и Ревеля, которые от имени Ганзы вели переговоры в Новгороде, явствует, что они были длительными и трудными (послы писали, что в течение нескольких недель им приходилось заниматься «тяжелой работой»). Некоторые требования русских послам удалось нейтрализовать, на другие они вынуждены были согласиться, чтобы не уехать без мира, как поясняли послы.¹⁴

Заключению мира способствовали не только уступки послов, но и сложившаяся к этому времени международная обстановка: в 1514 г. был подписан союзный договор между Россией и Германской империей, направленный своим острием против Польши.¹⁵ Естественно, что заключение этого договора не могло не содействовать примирению между Россией, теперь союзницей Империи, и ганзейскими городами, верховный сюзерен которых, германский император, уже давно хлопотал о восстановлении русско-ганзейской торговли. Договор 1514 г. заключен от имени наместников великого князя в Новгороде и послов Дерпта и Ревеля, представлявших 70 ганзейских городов.¹⁶

Статьям договора 1514 г. предпослано обширное введение, включающее четыре момента: 1) указание на приезд в Новгород по велению великого князя немецких послов с челобитьем: «По

¹³ «Unde under anderen gasecht, dat solt were ene gave Gades, item dar plegnn junge lude de kopmanschup by to lerende. . . men konde ock tor kercken unde hove nicht woll kamen, wen [de] copman allerleye ware nicht voren mochte.

«. . . unde hadden darumme nen bovell. . . der steder recht to vorgevende. . .».

«Unde als na velen reden alle handell is up deme solte unde rechte gebleven, hebben de heren sendebaden gesecht, dat se denn frede in mathen, wo de one worde vorgestalt, nicht dorsten annemen. . .» (HR 3, Bd. V, № 541. Отчет Иоганна Роде, §§ 51—54).

¹⁴ HR 3, Bd. VI. Leipzig, 1899, № 552. Письмо послов Ревеля и Дерпта ливонскому магистру Вальтеру Плеттенбергу от 30 мая 1514 г.

¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров, ч. V. М., 1894 (далее — СГГД), № 66—67.

¹⁶ Договор 1514 г. дошел до нас в подлиннике на русском языке. Подлинник договора вместе с переводом его на немецкий язык в настоящее время хранится: ЦГАДА, ф. 64, д. 3. Оба текста — и подлинника, и его немецкого перевода — напечатаны: СГГД, № 57. Другой немецкий перевод находится в городском архиве Любека; текст его напечатан: HR 3, Bd. VI, № 554.

божьей воле и по великого государя велению, Василиа, божьею милостью царя и государя всеа Руси. . . послове семидесять городов. . . прихаша. . . в великого государя отчину в Великий Новгород. . . бити челом. . .»; 2) изложение челобитья послов: «. . . чтобы великий государь. . . пожаловать велел своим наместникам ноугородцким и своей отчине великому Новугороду с семьюдесятью городами взяти перемирье, да и торг бы. . . велел держати по старине, и торговати бы им велел. . . в Великом Новегороде всяким товаром без вывета, и солью; и церковь бы, и места дворовые старые немецкие. . . в Великом Новегороде пожаловал велел нам отдати, и дворы бы пожаловал велел поставити и держати по старине»; 3) изложение ответа-пожалованья великого князя: ответ в утвердительной форме, повторявший содержание немецкого челобитья, имел по сравнению с ним лишь одно, но очень важное добавление, а именно — «А которые церкви русские и концы в немецких городех: и бергаместером, и ратманом, и купцом, и купецким детем, церкви русские и концы очистити по старине, а их не обидети»; 4) указание на заключение мира и срок его: «Взяли перемирье. . . на десять лет: от вознесеньева дни лета семь тысяч двадцать второго до вознесеньева дни лета семь тысяч тридцать второго».¹⁷

Формулы введения к договору 1514 г. резко отличаются от аналогичных формул новгородско-ганзейских договоров периода новгородской самостоятельности. Последние начинались с фразы, в основе которой лежало представление о равенстве договаривающихся сторон: «Приехали немецкие послы в Великий Новгород к пресвященному господину архиепископу Великому Новгороду. . . и к посаднику. . . и ко всему Новгороду. . . и немецкие послы. . . руку взяли у посадника новгородского. . .».¹⁸ Формула же договора 1514 г. «По божьей воле и по великого государя велению. . . послове. . . прихаша. . . бити челом. . .» подчеркивала могущество России по сравнению с другой стороной. Эта формула, впервые встречающаяся в русско-ливонском договоре 1481 г.,¹⁹ в конце XV — начале XVI в. прочно входит во все договоры России с Ливонским орденом, Ганзой (она имеется уже в договоре 1487 г.), а также Швецией. В договорах же с такими государствами, как, например, Империя и Польша, она отсутствует.²⁰ Очевидно, что раз-

¹⁷ СГГД, стр. 55—57.

¹⁸ ГВНП, стр. 110. Эта формула типична для договоров XIV—XV вв.

¹⁹ Акты, относящиеся к истории Западной России, т. I. СПб., 1846 (далее — АЗР), стр. 95.

²⁰ Введения к договорам с Польшей и Империей начинаются обычно словами: «По божьей воле и по нашей воле, мы, великий государь. . . взяли есмь любовь и вечное докончанье и братскую дружбу с нашим братом (имя рек). . .» (АЗР, стр. 66).

личие формул определялось представлениями русского правительства о различном удельном весе в международной жизни государств, с которыми Россия поддерживала дипломатические сношения.

В следующих за начальной формулой частях введения к договору 1514 г., излагающих немецкое челобитье и ответ на него великого князя, сформулированы, как мы видели, некоторые условия, положенные в основу заключаемого мира. Одни из них представляют собой общие принципы, которые затем были развиты и уточнены статьями договора (например, «торг держать по старине»), другие — отражения в статьях договора не получили. К числу последних относится новое для русско-ганзейских договоров и имевшее большое принципиальное значение положение об обязанности властей ганзейских городов русские церкви и концы «очистить» и их «не обидеть».

Вопрос о русских церквях и концах в «немецких» городах имеет длительную историю, нашедшую свое отражение в ряде международных договоров России. Из сохранившихся договоров первые он встречается в договоре Пскова с Дерптским епископством 1474 г., согласно которому епископ и городские власти Дерпта брали на себя обязательство русские церкви и русский конец в Юрьеве «держати чисто, по старине и по крестному целованью, и ни обидити».²¹ В 1481 г. статья о русских церквях и конце в Юрьеве была включена в договор Новгорода с Ливонским орденом, что означало распространение гарантии ее выполнения и на Орден. В договоре Новгорода с Орденом 1493 г. статья читается в новой редакции: «А церкви божьи русские в мистрове державе, и в архиепископове державе и в бискупьих державах, где ни буди, и те церкви держати по старине, а их не обидети». Согласно новой редакции, Орден давал гарантию неприкосновенности русских церквей не только в Дерпте, но и в других ливонских городах. В этой же редакции, лишь с незначительными вариантами, статья встречается во всех сохранившихся русско-ливонских договорах первой половины XVI в. Единственное существенное отличие она имеет в договоре между Псковом и Ливонским орденом 1531 г., где речь идет не только о русских церквях в ливонских городах, но и о русских концах.²²

²¹ ГВНП, стр. 133. По сообщению псковской третьей летописи статья о русских церквях и русском конце в Юрьеве имелась уже в договоре 1463 г. между Псковом и Дерптским епископством (Псковские летописи, вып. 2. М., 1955, стр. 153—156), текст которого не сохранился.

²² Договоры Новгорода с Орденом: 1481 г. (АЗР, стр. 97), 1493 г. (там же, стр. 132), 1509 г. (СГГД, стр. 45; LUB 2, Bd. III. Riga—Moskau, 1914, стр. 423), 1521 г. (СГГД, стр. 93), 1531 г. (там же, стр. 115). Договоры Пскова с Орденом: 1509 г. (LUB 2, Bd. III, стр. 428), 1531 г. (СГГД, стр. 121). В договоре Пскова с Орденом 1503 г. статья отсутствует (см.: ГВНП, № 347).

Не углубляясь в анализ рассматриваемой статьи (это тема специального исследования) отметим лишь, что вопрос о русских церквях и концях в ливонских городах имел не только религиозное, но и политическое и экономическое значение. Русские церкви за границей были не просто религиозными центрами, но и центрами объединения русских купцов, торгующих на чужбине, и складочными местами для их товаров. Что касается русских концов, то так назывались районы городов, где жило приезжее, а частично и оседлое, преимущественно купеческое, русское население. Требуя от ливонских властей русские церкви и концы «держати по старине» и «не обидеть», русское правительство добивалось гарантий свободного отправления религиозного культа, обеспечения безопасных условий проживания для русских в Ливонии и признания за церквями права экстерриториальности.²³

В ходе переговоров 1487 г. в Новгороде, предшествовавших заключению договора с Ганзой, великокняжеские представители высказали требование о включении в новгородско-ганзейский договор статьи «о русском конце в Дерпте».²⁴ Во время переговоров с ганзейским посольством в Нарве в 1498 г. русская сторона потребовала принятия Ганзой на себя ответственности за неприкосновенность русских церквей и концов и в других городах Ливонии. Во время переговоров с ганзейским посольством в 1510 г. великий князь вновь предъявил требование «очистить» русские концы и церкви. Пункт об обязательстве Ганзы очистить русские церкви и концы в немецких городах включен и в русский проект договора 1510 г. (хотя в проекте речь идет о церквях и концях в «немецких городах», но реально это могли быть только ливонские города, так как о существовании русских церквей и концов в других ганзейских городах ничего не известно). Очевидно, в своей позиции русское правительство исходило из того, что ливонские города были подчинены не только Ордену и епископам, на землях которых они находились, но и Ганзейскому союзу, членами которого они являлись. Требование великокняжеского правительства Ганза упорно отклоняла, стремясь отгородить себя от причастности к конфликтам с русскими, часто случавшимися в городах Ливонии. Ганзейские послы в 1498 г. позицию Ганзы мотивировали тем, что «мирная грамота, существующая между обеими странами (Россией и Ливонией, — Н. К.), купца не касается».²⁵ Ганзейские послы, таким об-

²³ Мы основываемся на выводах И. Э. Клейненберга в его очень интересной статье о русской купеческой организации в Ревеле. См.: И. Э. Клейненберг. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв. Рукопись (использована с разрешения автора).

²⁴ Подробнее об этом см.: Н. А. Казакова. Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в., стр. 272—274.

²⁵ «Besunder de crutzekussinghe und fredebreff, tuschen beyden landen wesende, belanget de cophmanschop nicht» (LUB 2, Bd. I, стр. 479. Отчет по-

разом, расценили требование великого князя как стремление нормы русско-ливонских договоров распространить на договоры с Ганзой. Однако, несмотря на все нежелание Ганзы принимать на себя ответственность за русские церкви и концы в Ливонии, соответствующее условие в договор 1514 г. было включено. Правда, в нем говорится о русских церквях и концах не в ливонских городах, а в «немецких» вообще, но в действительности это могли быть, как мы указывали, только ливонские города.

В первой группе статей договора 1514 г., следующей за введением (ст. ст. 1—6), рассматриваются условия торговли новгородцев в Немецкой земле и немцев в Новгороде. Новгородскому гостю гарантируется в Немецкой земле чистый путь и свобода торговли всякими товарами без исключения («без вывета») и воском (ст. 1); в случае продажи новгородцем немцу нечистого воска он обязан воск обменять (ст. 2); если новгородец будет что-либо продавать или покупать в немецких городах «в ласт», «весчего» с него не брать, если по весу, то брать (ст. 3). Также и немецким гостям иметь чистый путь в Новгородскую землю и торговать им всяким товаром без исключения: «и солью, также и серебром, и оловом, и медью, и свинцом, и серою; а заповеди ни которому товару не чинити» (ст. 4); если немец даст за какой товар нечистое серебро, то немцу его обменять (ст. 5); при продаже немцем в Новгороде соли, сельди, меда «в ласт» «весчего» не брать, при продаже «в вес» — брать; «а весчее имати по старине, а ласт им продавати и купити по старине, не скупю» (ст. 6).²⁶

Основополагающими статьями этой группы являются ст. ст. 1 и 4, представляющие купцам беспрепятственный проезд («ездити... с товаром, горою и водою; путь им чист приехати и отъехати») и свободу торговли всеми товарами без исключения («торговати... всяким товаром без вывета»). При сравнении с прежними новгородско-ганзейскими договорами оказывается, что им свойственна только одна из имеющихся в рассматриваемых статьях гарантий — «чистого пути»; что касается второй — торговли всеми товарами «без вывета», то она в формуляре новгородско-ганзейских договоров отсутствует. Но зато эту гарантию мы постоянно находим в русско-ливонских договорах, начиная с договора 1421 г.²⁷ Очевидно, из них она была перенесена в договор с Ганзой 1514 г. Предоставление купцам свободы торговли всеми товарами без исключения имело большое значение для успешного развития торговых связей.

слов). Очевидно, здесь имеются в виду договоры 1493 г. между Орденом и Новгородом и Псковом.

²⁶ СГГД, стр. 57.

²⁷ ГВНП, стр. 99.

Специального комментария заслуживают помещенные в конце ст. ст. 1 и 4 после формулы «торговати... всяким товаром без вывета» перечни некоторых товаров, которыми могли торговать купцы каждой стороны. Остановимся сначала на перечне, имеющемся в конце ст. 4. В нем в числе товаров, которыми немцы «также» могут торговать в Новгороде «без вывета», названы соль, серебро, олово, медь, свинец и сера. Составители договора сочли нужным специально подчеркнуть, что свобода торговли для немцев всеми товарами в Новгородской земле распространяется и на указанные товары. Такое специальное подчеркивание в отношении соли легко объясняется. Оно было связано с политикой, проводившейся русским правительством в предыдущие годы в вопросе о торговле солью. Этот вопрос, представляющий большой интерес для изучения экономической политики русского правительства начала XVI в. (соль — один из важнейших продуктов питания), в источниках отражен, к сожалению, мало: сведения о нем мы находим лишь в ливонских и ганзейских актах.

Согласно условиям договоров 1509 г. между Новгородом и Ливонским орденом и между Псковом и Ливонским орденом, ввоз соли из Ливонии в Россию был запрещен.²⁸ Пункт о запрещении торговли солью был включен в русский проект договора с Ганзой 1510 г. Возможно, что этот запрет распространялся и на другие соседние с Россией страны: во время переговоров с ганзейским посольством в 1510 г. русские представители, добиваясь отказа Ганзы от торговли солью, заявляли, что к их господину о соли присылали король польский, хан татарский, ливонский магистр и шведский правитель, и им всем было отказано, поэтому города должны также отказаться; позицию великого князя русские представители мотивировали тем, что их господин властен предписывать в своей стране, что ему будет угодно и что он не желает чужой соли, так как имеет достаточно своей.²⁹ За отсутствием достаточных материалов мы не можем судить о том, чем была обусловлена политика правительства Василия III в вопросе о ввозе соли в 1509—1510 гг. Возможно, как об этом говорили ганзейским послам русские представители, правительство действительно руковод-

²⁸ LUB 2, Bd. III, №№ 583, 584; СГДД, стр. 43.

²⁹ «Unde als men thome handel des fredes gekamen, hebben se (бояре великого князя, — Н. К.) dat solt darbuten beslaten unde myt velen worden vorhalet, wo des soltes halven ore here van deme heren koninge to Palen, synem swager unde broder, ock van Tateren, item van herenn mester unde gantzem Lyfflande ock van den Sweden besant were, den he idt affgesecht, unde darumme musten de steder sick des ock begeben; idt en mochte nicht anders weszen... dat se gesecht dat de he-eren sendebaden vorske lude weren, de oren heren dwingen wo'den etc.; oft ore here nicht vorbeden mochte in synem lande frommet solt, dar he soltes sulven genoch in hadde; en here were jummer mechtich in synem lande to vor-

ствовалось стремлением обойтись русской солью. Очевидно, это оказалось нереальным, и по договору с Ганзой 1514 г. ввоз соли в Россию ганзейским купцам был разрешен, что специально подчеркивалось в присоединенном к ст. 4 договора перечне товаров, которыми немцы могли торговать в Новгороде также «без вывета».

Труднее понять, если не привлекать дополнительных сведений, почему в этот перечень, наряду с солью, попали серебро, олово, медь, свинец и сера (в статье речь идет об условиях торговли немцев в Новгороде), и если ограничиться только ее текстом, то мы должны будем предположить, что на новгородские власти ложилось обязательство не чинить немцам препятствий в торговле названными товарами. Но дело в том, что никаких известий о запретах или каких-либо ограничениях русскими властями торговли немцев перечисленными металлами и минералами не имеется. Наоборот, подобные запреты имели место со стороны соседних с Российской стран — Швеции и Ливонии, боявшихся усиления военной мощи России. Что касается серебра, то вопрос об ограничении ввоза в Россию этого драгоценного металла нередко возбуждали сами ганзейские города, опасавшиеся, очевидно, его утечки.³⁰ Нам кажется поэтому, что обязательство не чинить препятствий торговле названными материалами (еще раз подчеркиваем, что все они, кроме серебра, имели военное значение) касалось не русской, а немецкой стороны.

Если имеющиеся в нашем распоряжении материалы о русско-ганзейской торговле позволяют объяснить, почему к ст. 4 был добавлен перечень товаров, которыми немцы могли торговать в Новгороде без ограничений, то подобные материалы для истолкования ст. 1 отсутствуют. Напомним, что в ст. 1 после формулы о праве новгородцев торговать в Немецкой земле всеми товарами помещена оговорка: «и воском». Чем была вызвана эта оговорка, мы не знаем, так как никаких сведений о специальных запретах торговли русских воском в ганзейских городах не имеется. Можно только предполагать, что в связи с запретом в предыдущие годы ввоза немцами в Россию соли — одного из главных предметов ганзейского импорта — последовали запрещения или какие-нибудь ограничения ввоза в города Ганзейского союза воска — одной из ос-

bedende, wes eme gelevede, slutende, dat solt vere allen jewevgert, unde darumme mochten de stede idt nicht fryg krigen» (HR 3, Bd. V, № 541. Отчет Иоганна Роде, §§ 50—51).

³⁰ А. И. Никитский. История экономического быта Великого Новгорода. М., 1893, стр. 57; L. Goetz. Deutsch-russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922, стр. 332—335; А. Л. Хорошкевич. Из истории ганзейской торговли (ввоз в Новгород благородных металлов в XIV—XV вв.). Средние века, т. XX, 1961, стр. 108—110.

новых статей русского экспорта.³¹ Теперь, в 1514 г., когда ввоз соли в Россию ганзейцам был разрешен, разрешалась и торговля воском новгородцам в ганзейских городах.

Перейдем к следующим статьям договора 1514 г., посвященным рассмотрению условий торговли. Ст. ст. 2 и 5, обязывающие новгородца обменять проданный им нечистый воск, а немца — нечистое серебро, хотя и являются новыми для формуляра новгородско-ганзейских договоров, тем не менее ничего принципиально нового в практику новгородско-ганзейской торговли и положение договаривающихся сторон не вносили; цель их — упорядочение торговли и ликвидация поводов к конфликтам.

Те же цели преследовали и ст. ст. 3 и 6. В этих статьях, также новых для формуляра русско-ганзейских договоров, речь идет, во-первых, об освобождении от «весчего» (весовой пошлины) товаров, продаваемых «в ласт». Почему это освобождение имело место, помогают понять наблюдения над особенностями ливонской торговли. Ласт — это самая крупная единица веса в Ливонии (1 ласт равнялся 4800 фунтам). В практике ливонской торговли крупные единицы веса часто выражались через единицы объема (в Риге, например, в 1 ласте соли считали 16 или 18 бочек),³² благодаря чему получалось, что товар, номинально продаваемый по весу, реально продавался по единицам объема и взвешиванию не подлежал. Следствием этого и явилось освобождение по договору 1514 г. сделок «в ласт» от весовой пошлины. С товаров же, реально продаваемых по весу (имелась в виду, очевидно, торговля мелкими партиями и в розницу), весовая пошлина должна была взиматься, как об этом и говорится во второй части ст. 3 и во второй части ст. 6.

Рассматриваемые статьи не только упорядочивали вопрос о взимании «весчего». Они разрешали, как это отметил еще А. И. Никитский,³³ два вида торговли: либо по весу, либо (фактически) по единицам объема (если товары продавались крупными партиями). И в этом отношении нормы статей представляли собой отступление от введенного великокняжескими наместниками в Новгороде в конце 80-х—начале 90-х годов XV в. порядка торговли, согласно которому немцы могли продавать соль и мед, главные предметы немецкого ввоза в Новгород, только по весу. Отступление это было в интересах ганзейцев, ибо система торговли крупными единицами

³¹ Вопрос об экспорте воска из Новгорода наиболее полно рассматривается в ст.: А. Л. Хорошкевич. Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV—XV веках. В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 278—305.

³² Я. К. Земгарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развитого феодализма (XIII—XIV вв.). Проблемы источниковедения, т. IV. М., 1955, стр. 215—216.

³³ А. И. Никитский, ук. соч., стр. 289.

веса, практически исчислявшимися через единицы объема, представляла возможности наживы за счет уменьшения действительного веса товара.³⁴ Чтобы предотвратить последнее, к ст. 6, очевидно под влиянием пожеланий русской стороны, было внесено добавление «а ласт им (немцам, — Н. К.) продавати и купити, по старине, не скупю». В свою очередь, вероятно, немцы настояли на втором добавлении, касавшемся уже новгородцев: «весче имати по старине», т. е. не изменять его размеры в сторону увеличения.

Чем было вызвано отступление в пользу ганзейцев в вопросе о взвешивании товаров, установить нельзя. Возможно, это была уступка за согласие немецкой стороны не чинить препятствий ввозу в Новгород материалов военного значения, в которых нуждалась Россия. В целом рассмотренный нами раздел договора 1514 г., регулирующий вопросы торговли, проникнут стремлением к созданию взаимовыгодных условий торговли и ликвидации поводов к конфликтам, которые часто имели место в повседневной немецко-русской торговле из-за недоброкачества товаров, уменьшения их реального веса, увеличения размеров пошлин и т. д.

Следующая группа статей договора (ст. ст. 7—11) посвящена рассмотрению различных случаев, связанных с поездками купцов по морю.³⁵ Ст. 7 устанавливает ответственность Ганзы (частичную) за ограбления новгородских купцов на море: в случае если новгородские купцы будут ограблены «лихими людьми» из 70 городов, то городам их искать, если найдут — казнить и товар возвратить новгородцам; если же разбой случится «от иных лихих людей», не являющихся выходцами из ганзейских городов, и городам «учинитца весть», то искать «лихих людей» наместникам великого князя, если наместники «добудут» их, то казнить, а товар возвратить новгородским купцам. Ст. 8 трактует об ответственности русской стороны за ограбления немецких купцов «на новгородской земле или на воде»; наместникам великого князя искать «лихих людей», если найдут их — казнить, а товар возвратить немцам. Эта статья как бы уравнивала ст. 7 и юридически ставила обе договаривающиеся стороны в равное положение. Реально же принятие на себя Ганзой ответственности за ограбления новгородцев на море пиратами (если они были выходцами из ганзейских городов) способствовало развитию русского торгового мореплавания, а это наносило интересам Ганзы такой ущерб, который не мог уравни-

³⁴ С начала XV в. новгородцы постоянно жалуются на уменьшение размеров и веса мешков с солью и бочек с медом, ввозимых ганзейцами, и требуют продажи этих товаров по весу. Осуществлено это требование было только после присоединения Новгорода к Москве. Подробнее см.: Н. А. Казакова: 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в.; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в.

³⁵ СГГД, стр. 57—58.

веситься обязательством новгородских наместников отыскивать «лихих людей», ограбивших ганзейцев на новгородской территории. Недаром Ганза на протяжении почти всего XV в. отказывалась предоставить новгородцам «чистый путь за море». Обе рассмотренные статьи были заимствованы из русско-ганзейского договора 1487 г.³⁶ В договоре 1514 г. они были дополнены взаимным обязательством русской и немецкой сторон, сформулированным в ст. 9, «не порубать» купцов из-за «лихих людей» — «разбойников». Этим дополнением стороны стремились избежать конфликтов, возникавших из-за репрессий, применявшихся к купцам одной с грабителями национальности властями той стороны, к которой принадлежали пострадавшие.

В ст. 10 речь идет о дележе товаров, погруженных немцем и новгородцем на одно судно и оставшихся невредимыми после какого-либо несчастья с ними на море (очевидно, имеется в виду кораблекрушение застрахованного совместно судна). Статья гласит: «А похочет новгородец товар класти с немчином в лодю или в бусу в одном месте, а доспеетца притча над тем товаров на море: ино делитись немчину с ноугородцом по товару, что останетца. . .». Остановимся на условиях дележа, выраженных словами «по товару». В договоре с Ганзой 1487 г., где впервые встречается разбираемая статья и откуда она была перенесена в договор 1514 г., русскому «по товару» соответствует средненижнемецкое «*na partall*», адекватное в свою очередь латинскому «*pro rata parte*»,³⁷ что означает «соразмерно доле каждого». Следовательно, оставшиеся после кораблекрушения товары делились соразмерно долям каждого из владельцев, погруженным на судно. При этом пропорциональный дележ должен был производиться независимо от того, чей товар остался — русского или немца. Последнее толкование основывается на одном месте из жалоб ганзейского купчества великому князю, относящихся к концу 80-х годов XV в. Возражая против стремления русских искать свои пропавшие товары за счет спасенных немецких товаров, ганзейцы указывали, что каждый может свободно взять свой товар, какой он найдет под своим знаком; «если же чей товар пропал, то это так и должно остаться».³⁸ Оче-

³⁶ HR 3, Bd. II, стр. 118; Новгородский исторический сборник, № 10, стр. 225.

³⁷ A. Lübben. *Mittelniederdeutsches Handwörterbuch*. Norden u. Leipzig, 1888, стр. 271.

³⁸ «Item dat veffte is van den sammeden godern, dar der russen unde der dutzchen guder tohope bliiven, dat se denne ere vorlorne gudere soken an der dutzchen geborgenen guderen. Is ock wedder dat olde unde de crutzkussinge, wente ein iderman de mach siine guder, de he befindet, under siinen merke vrii bergen; unde de wes vorlust, de is des quid» (HR 3, Bd. II, № 267. Инструкция послу для переговоров с русскими [1489 г.], § 5).

видно, недовольство ганзейцев вызывали нормы нашей статьи, которые противоречили немецкому праву: последнее предполагало, как это следует из жалоб ганзейского купечества, что каждый из владельцев товаров, погруженных на одно судно, получал после несчастья все товары, помеченные его знаком, независимо от того, осталось ли что-нибудь из товаров, принадлежавших другому владельцу. Установленный в договорах с Ганзой 1487 и 1514 гг. новый и более справедливый принцип раздела оставшегося товара пропорционально долям владельцев, погруженным на судно, был введен, возможно, под влиянием русского обычного права.³⁹

Очень интересна ст. 11 договора, которая устанавливает, что в случае, если на море новгородскую бусу «задерет ветром» и прибьет к немецкому берегу «семидесяти городов» или немецкую бусу — к «великого государя отчине к ноугородцкой земле берегу», то «те бусы обыскав, отдавати на обе стороны без хитрости по сей перемирной грамоте и по крестному целованью. А имати от тех бус перейма от десяти рублей по рублю; а боле будет товару или менши, ино по расчету имати». Эта статья обязывает стороны суда, выбросяемые на берег в результате кораблекрушения, возвращать вместе с товарами владельцам, т. е. она содержит освобождение от берегового права — права присвоения прибрежными жителями выброшенных морем на берег предметов. Участники спасательных работ, согласно статье, получали «переим»⁴⁰ — вознаграждение в виде 10% стоимости спасенных товаров. Анализируемая статья договора 1514 г. — единственная в истории новгородско-немецких правовых отношений. До этой статьи ни в одном из новгородско-немецких договоров нет упоминаний ни о береговом праве, ни об освобождении от него. Чем можно объяснить это явление?

Объяснение его надо искать, как нам кажется, в двух обстоятельствах: 1) в слабом развитии торгового мореплавания новгородцев до XV в.⁴¹ и 2) в отсутствии, по всей вероятности, берегового права в Новгороде. Для русских купцов, вплоть до XV в. сравни-

³⁹ Подробный комментарий к этой статье см.: И. Э. Клейнберг. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, стр. 352—359.

⁴⁰ В древнерусских памятниках «переимати» означало «задерживать», отсюда «переим» — вознаграждение за задержку. Ср. статью Русской Правды: «Аже кто переиметь чьюж холоп и даст весть господину его, то имати ему переим гривна» (Г. Е. Кочин. Материалы для терминологического словаря древней России. М.—Л., 1937, стр. 233). Несомненно, что в нашем контексте «переим» означает вознаграждение за спасательные работы.

⁴¹ Поездки новгородских купцов за море, имевшие место в XII в., в XIII—XIV вв. под влиянием различных причин (упадок производительных сил Руси, обусловленный татарским завоеванием, развитие пиратства на Балтийском море и т. д.) сокращаются и снова возрастают в XV в. в связи с общим экономическим подъемом русских земель.

тельно редко совершавших поездки «за море», освобождение от берегового права не являлось настоящей необходимостью. Что касается немцев, постоянно прибывавших по морю в Новгородскую землю, то они с береговым правом в ней, по-видимому, не сталкивались. Доказательство этому — полное умолчание источников о береговом праве.

Более того, в договоре 1269 г. имеется статья, которую можно столкнуть как косвенное указание на его отсутствие в Новгородской земле. Эта статья гласит: «А придет гость на Неву и понадобится ему дерево или мачтовый лес, рубить их ему по обоим берегам реки, где захочет».⁴² В статье о кораблекрушении ничего не говорится: в ней предусматривается лишь право немцев в случае надобности рубить строевой лес по берегам Невы; но потребность в строевом лесе могла быть вызвана как простым повреждением судна, так и его кораблекрушением, и немцы в этом случае не только не теряли своего имущества, но могли безвозмездно доставать на чужих берегах необходимый им строительный материал. Показательно также, что в спорах, которые возникали между немцами и русскими по вопросу о судьбе имущества потерпевших кораблекрушение немцев, речь шла обычно не о присвоении русскими этого имущества, а о размерах вознаграждения за спасательные работы. Так, незадолго перед закрытием немецкого двора в Новгороде ганзейцы жаловались, что русские с товаров немцев, потерпевших кораблекрушение, хотят брать «третий пфеннинг» (33% стоимости товаров) и что это против «старины», согласно которой за спасение товаров следует давать «справедливую плату».⁴³

Все приведенные данные свидетельствуют, таким образом, в пользу предположения об отсутствии берегового права в Новгородской земле. Прав, нам кажется, И. Э. Клейненберг, который, отрицая наличие берегового права в Новгороде, объяснение этому явлению усматривает в географическом положении Новгородской земли и особенностях ее экономики: заинтересованные в торговле правящие круги Новгорода, владевшего лишь небольшим участком побережья Финского залива, «предпочитали выгоду от упорядоченных торговых отношений случайной наживе при захвате потерпевших крушение кораблей».⁴⁴

⁴² ГВНП, стр. 59.

⁴³ «Item dat verde is van den schipbrokigen gudern, de bliiven an der russchen siden, dat se den dorden penninck daraff nemen willen. Is ock wedder de crutzkusinge unde dat o'de, vente eiin iderman de mach siin gud bergen unde redelick bergelon darvor geven» (HR 3, Bd. II, № 267. Инструкция послу для переговоров с русскими [1489 г.], § 4).

⁴⁴ И. Э. Клейненберг. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XII вв. берегового права. Правоведение, 1960, № 2, стр. 158—161

С XV в. в связи с общим экономическим подъемом русских земель возрастает заграничная торговля новгородцев, и они чаще совершают поездки на заморские рынки. Во время этих поездок им приходилось сталкиваться с тяжелым для мореплавателей береговым правом. О степени распространения его, например в соседней Ливонии, можно судить по жалобам ливонских городов, утверждавших, что ливонские купцы в России при спасении своего имущества не так облагаются и не терпят такого убытка, как в этой стране, где выброшенные на берег товары присваиваются дворянами — «haveluden» (имеются в виду, очевидно, владельцы прибрежных земель).⁴⁵ Наличие берегового права в странах Балтийского моря, по которому все чаще плавали новгородские бусы и ладьи, делало именно русскую сторону заинтересованной в освобождении от берегового права. Поэтому мы считаем, что рассматриваемая статья была внесена в договор 1514 г. по настоянию в первую очередь русской стороны.

Однако, хотя статья несомненно отвечала стремлению великокняжеского правительства в связи с развитием русского торгового мореплавания защитить русские суда от действия берегового права, большое практическое значение она вряд ли могла иметь. «Немецкий берег семидесяти городов», к которому прибывались бурей потерпевшие кораблекрушение новгородские бусы, в реальной действительности был ливонским берегом. Но ливонские города, находившиеся на землях Ордена и епископов, владели лишь небольшой частью городской территории; вся остальная территория страны, включая береговую полосу, принадлежала феодальным владельцам. Поэтому предоставляемое ганзейскими городами русским судам по договору 1514 г. освобождение от берегового права применительно к Ливонии едва ли обладало силой. И тем не менее статья для русской стороны была важна: она имела значение принципа, провозглашенного в акте международного права, принципа, который правительство Русского централизованного государства намечало отстаивать в своей торговой политике.

Подчеркивая особую заинтересованность русской стороны в рассматриваемой статье, мы отнюдь не собираемся утверждать, что она была безразлична для ганзейцев. Случаи требования большой доли (1/3) спасенных товаров, а иногда и прямого грабежа

⁴⁵ «...Dath ock de copman in Ruslant mer privilegie und frighet hedde und in der berginge des synen nicht zo sehere bosweret und boschediget wurde als in dussen landen. mith wiedereren porhale, wo sodane gestrande gudere van den have-luden to mermalen gefordert, darvan men nicht ander dan vorbolgene stolte drouworde irlangede» (Акты и Резессы ливонских Стандетеге, Bd. III. Riga, 1938. № 201. Отчет ревельских послов о ландтаге в Вольмаре в 1532 г., § 54).

выброшенных на новгородский берег ганзейских кораблей⁴⁶ побуждали ганзейцев стремиться к юридическому оформлению освобождения от берегового права и к установлению твердого размера вознаграждения за спасательные работы. Это и было достигнуто по договору 1514 г.

Каков был источник интересующей нас статьи — видоизмененные ли нормы обычного новгородского права, не знавшего до сих пор определенного размера вознаграждения, или же привилегии купцам в странах Балтийского моря, содержавшие, наряду с освобождением купцов от берегового права, и указание размеров вознаграждения участникам спасательных работ⁴⁷ — этот вопрос требует особого исследования.

Рассмотренные нами статьи договора 1514 г. охватывают, как мы видели, ряд вопросов, связанных с торговым мореплаванием. Они образуют целый раздел, аналогии которому нет ни в одном другом юридическом акте древней Руси.⁴⁸ И это делает русско-ганзейский договор 1514 г. уникальным памятником древнерусского международного права. Появление этого раздела — результат развития русского торгового мореплавания и покровительства ему со стороны правительства Русского централизованного государства.

Третья группа статей договора 1514 г. (ст. 12—19) касается вопросов юрисдикции и судопроизводства. Прежде чем комментировать эти статьи, необходимо дать краткую справку о состоянии вопросов юрисдикции в русско-немецких отношениях до рассматриваемого времени. Еще в первый период новгородско-ганзейской торговли устанавливается правило о том, что тяжба, возникшая у купца на чужбине, должна разрешаться там, где она возникла, — «где ся тяжя родить, ту ю кончати».⁴⁹ Немцы в Новгороде по тяжбам, возникавшим у них с новгородцами, судились судом тысяцкого при церкви св. Ивана на Опоках, по тяжбам и конфликтам между немцами — властями немецкого двора, согласно правилам скры (устава Немецкого двора в Новгороде). Новгородцы в немецких городах, по-видимому, по любым делам судились местными властями в соответствии с действовавшим в каждом городе правом

⁴⁶ Эти случаи приведены в ст.: И. Э. Клейнберг, Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв., стр. 361—362. См. также: HR 3, Bd. II, № 267, § 4; LUB 2, Bd. I, № 95, §§ 8, 9, 11, 12; Русско-ливонские акты, собранные К. Е. Напьерским. СПб., 1868, №№ 323, 325.

⁴⁷ V. Nii t e m a. Das Strandrecht in Nordeuropa im Mittelalter. Helsinki, 1955, стр. 352—356.

⁴⁸ В договоре Олега с греками и в договоре Смоленска с Ригю и Готландом 1229 г. имеются лишь статьи об освобождении от берегового права. См.: 1) Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 35; 2) Памятники русского права, вып. II. М., 1953, стр. 69.

⁴⁹ ГВНП, стр. 57.

(никаких сведений о судебных функциях русских купеческих организаций за границей вплоть до середины XVI в. не имеется).⁵⁰ Различия между русским и немецким правом (последнее в ряде случаев было более тяжелым), а также случаи произвола властей, вызывали нарекания русских и приводили порою к серьезным конфликтам. Вспомним, что поводом к закрытию Немецкого двора в Новгороде послужила смертная казнь двух русских в Ревеле, один из которых, согласно действовавшему в Ревеле любекскому праву, был сварен в котле, а другой — сожжен.⁵¹

Правительство Русского централизованного государства, стремившееся создать более благоприятные условия пребывания русских купцов за границей, в начале XVI в., используя ослабление Ливонского ордена, добивается включения в русско-ливонские договоры новых процессуальных норм. Согласно этим нормам, впервые встречающимся в договорах 1509 г., дела гражданские подразделялись на две группы, каждая из которых подлежала юрисдикции особого суда. Тяжбы по гражданским делам между русскими и немцами, иски по которым не превышали 10 новгородских рублей, по-прежнему должны были решаться местными властями; в случае же, если иск к иноземному купцу (русскому или немецкому) превышал названную сумму, то ответчик должен был быть взят на поруки (или, за отсутствием поручителя, заключен в тюрьму), пока местные власти снесутся с властями другой стороны о совместном суде; совместный суд, куда доставлялся ответчик, должен быть на границе (по договору Новгорода с Орденом на Нарове «на вопчем острове»). Что касается уголовных дел, то они все без исключения («а дойдет в какове деле ни буди ... до казни») подлежали компетенции совместного суда, который назначался по договоренности между властями обеих сторон тоже на границе.⁵²

В 1510 г. русское правительство сделало попытку нормы русско-ливонских договоров в сфере юрисдикции и процесса распространить и на русско-ганзейские отношения: в русский проект договора, предъявленный ганзейским послам, статьи о судопроизводстве были включены в такой же редакции, в какой они находятся в русско-ливонских договорах 1509 г. Нововведения вызвали резкие возражения ганзейских послов, которые охарактеризовали их

⁵⁰ И. Э. Клейнбергер. Из истории русского торгового двора в Таллине в XV—XVI вв. Рукопись.

⁵¹ LUB 2, Bd. I, № 648. Отчет о переговорах ревельских послов с русскими в Нарве в 1498 г.

⁵² Договоры Личонского ордена с Новгородом: 1509 г. (LUB 2, Bd. III, стр. 421—422; СГГД, стр. 44—45), 1521 г. (СГГД, стр. 91—92), 1531 г. (СГГД стр. 113—114); договоры с Псковом: 1509 г. (LUB 2, Bd. III, стр. 426—427), 1531 г. (СГГД, стр. 119—120).

как лишение городов права суда.⁵³ Требование об ограничении юрисдикции городов делами, иски по которым не превышали «10 штук серебра», вновь были выдвинуты русской стороной во время переговоров с Ганзой в 1514 г. Однако послы Дерпта и Ревеля, которые от имени Ганзы вели переговоры, добились отклонения русских требований. Сообщая о победе своей точки зрения, они писали, что им удалось защитить «наше право» «в каждом городе судить по его праву».⁵⁴

Хотя послы Дерпта и Ревеля оценивали результаты переговоров как полную победу немецкой точки зрения в вопросах суда, в действительности это было не совсем так. Спорные статьи в договоре 1514 г. получили следующую редакцию: «А на котором городе в семидесяти городех почнетца какво дело ноугороддку, ино туто ему и управа давати, в какове деле ни буди, по исправе. . .» (ст. 12). «А дойдет ноугородец до казни в семидесяти городех, ино его не казнити, а обослатись о том с великого государя наместники Великого Новагорода. И великого государя наместники пришлют в Ригу, и в Юрьев, и в Колывань человека два или три добрых: и нам перед теми людми тому ноугородцу туто и управа учинити. . .» (ст. 13). Аналогичные правила относительно немцев в Новгородской земле формулируют ст. ст. 14 и 15 (по ст. 15 суд над немцем, подлежащим «казни», должен производиться в Новгороде в присутствии двух-трех «добрых людей», присланных из Риги, Юрьева или Колывани).⁵⁵ Таким образом, старый порядок, при котором юрисдикция по тяжбам между новгородцами и немцами полностью принадлежала местным властям, был сохранен лишь для гражданских дел (ст. ст. 12 и 14). Вопрос же о нормах процесса для уголовных дел был решен компромиссно: ганзейцы настояли, что суд по ним должен совершаться по-прежнему властями той стороны, где произошло преступление, а русские, отказавшись от идеи совместного суда, добились включения в договор 1514 г. пункта о присутствии представителей той стороны, к которой принадлежал купец-ответчик (ст. ст. 13 и 15). Включение последнего пункта в какой-то степени гарантировало подсудимого от жестокостей чужого права и произвола чужих властей.

Последующие статьи договора 1514 г., излагающие процессуальные нормы, менее интересны. Ст. 16 гласит: «А взыщет ноугородец на немчине, а досудят до целованья: ино целовати ответчику немчину». Аналогичное правило сформулировано относительно от-

⁵³ HR 3, Bd. V, № 544. Проект договора; там же, № 541. Отчет Иоганна Роде, § 52.

⁵⁴ «Hebben ock unsze recht boschermeth, in elker stat na oren rechten tho richtende» (HR 3, Bd. VI, № 552. Письмо послов Ревеля и Дерпта Вальтеру Плеттенбергу от 30 мая 1514 г.).

⁵⁵ СГГД, стр. 58—59.

ветчика-новгородца в ст. 17.⁵⁶ Обе статьи впервые встречаются в русско-ливонских договорах 1509 г. и в русском проекте договора с Ганзой 1510 г., откуда они, вероятно, были перенесены в наш договор. Ст. 18 провозглашает общее правило о том, что «в немецких городах судити ноугородца, как своего немчина; а в Новгороде судити немчина, как своего ноугородца». Ст. 19 устанавливает, что тяжбы касаются только истца и ответчика («а о всяком деле знати истцу истца по своей исправе») и из-за них не должны страдать непричастные лица («порубу в том не быти на обе стороны»). Продолжение ст. 19 гласит, что к купцу-иноземцу без суда нельзя применять никаких репрессий — «ни в клетку, ни в погреб. . . без суда не сажати, ни ковати, ни мучати. . .». Цель этих статей — обеспечить купцу, находящемуся на чужбине, справедливый суд и защитить его от произвола местных властей. Нормы их обычны для новгородско-ганзейских договоров и по сравнению с нормами последних договоров 1514 г. не содержит ничего нового.

Оценивая в целом статьи договора 1514 г., посвященные судопроизводству, следует отметить, что хотя русская сторона отступила от своей первоначальной программы, тем не менее этот договор по своим процессуальным нормам выгодно отличается от более ранних русско-ганзейских договоров: нормы процесса изложены в нем более полно и систематически, разработаны детальнее, и в судопроизводстве по уголовным делам введен новый принцип — присутствие представителей другой стороны. Почему великокняжеские представители отказались от требования совместного суда, мы не знаем. Возможно, что с русской стороны это была компенсация за целый ряд важных уступок немецкой стороны, сделанных при заключении договора 1514 г.

Следующие три статьи договора (ст. ст. 20—22) формулируют нормы так называемого посольского права. Основное содержание их — гарантия послам неприкосновенности и беспрепятственного проезда. Эта гарантия является одной из древнейших норм всякого международного права, в том числе и русско-немецкого, и ее мы находим почти во всех русско-ганзейских договорах. Особенностью договора 1514 г. по сравнению с предшествовавшими является большое развитие и дифференциация норм посольского права: в них различаются разные категории послов, гарантии для которых особо оговариваются.⁵⁷

Ст. 20 содержит гарантию чистого пути для послов новгородских наместников в ганзейские города и ганзейских городов в Новгород, которые во время действия договора должны «ездити. . . говорить о всяких делех о купецких о обидных». Подобного рода

⁵⁶ Там же, стр. 59.

⁵⁷ Там же, стр. 59—60.

посольства, но одной стороны — ганзейские в Новгород — упоминаются в новгородско-ганзейских договорах 1450, 1466 и 1487 гг.⁵⁸ Статья о посольствах обеих сторон впервые встречается в русском проекте договора с Ганзой 1510 г.,⁵⁹ и оттуда, вероятно, она была переписана в договор 1514 г. Цель статьи — совместный разбор обеими сторонами «купецких обидных дел» (очевидно, таких, которые не могли быть решены обычными судебными инстанциями, например дел об ограблениях купцов пиратами), чтобы предотвратить таким образом возникновение серьезных конфликтов.

Ст. 21 предоставляет гарантии посольской неприкосновенности ганзейским послам, посланным семьюдесятью городами «о каких делех... бити челом к великому государю Василью...». Эта статья — первое в русско-ганзейских договорах упоминание ганзейских посольств непосредственно к великому князю — представляет собою уступку Ганзе. Дело в том, что после присоединения Новгорода к Москве великокняжеское правительство по отношению к Ливонии и Ганзе придерживалось принципа, что сношения с ними должны осуществляться по-прежнему через новгородских наместников. Настаивая на соблюдении этого принципа, великокняжеское правительство руководствовалось, вероятно, различными причинами: 1) традицией, 2) реальным положением дел — вопросы торговые и порубежные, составлявшие содержание дипломатических сношений с Ливонией и Ганзой, касались не столько всей России, сколько одной Новгородской земли, 3) соображениями о меньшем, по сравнению с другими политическими силами, удельном весе Ливонии и Ганзы в международной жизни. Немецкая сторона воспринимала этот порядок как дискриминацию и не раз предпринимала попытки добиться установления посольских сношений непосредственно с великим князем.⁶⁰ По договору 1514 г. Ганза это право получила.

Новой для формулы не только русско-ганзейских, но и вообще международных договоров России вплоть до XVI в. является ст. 22. Ее текст гласит: «Такъже поедут великого государя Василя. . . послы х которым государем его братье, и к иным государем. или х кому ни буди; или к великому государю к Василью. . . от его брати иных государей или от кого нибуди поедут послы; и тем обоим послом на Любок, и на Ригу, и на Юрьев, и на Кольвань, и на всю семдесят городов, водою и землю, путь чист, без всякие

⁵⁸ ГВНП, стр. 125—126, 128—129; Новгородский исторический сборник, стр. 226; HR 3. Bd. II, стр. 119.

⁵⁹ HR 3 Bd V, № 544.

⁶⁰ С этой просьбой, в частности, Орден обращался к Ивану III в 1491—1492 гг. через имперского посла Георга фон Турна (Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стр. 9—10).

зацепки; и беречи их без всякие хитрости, чтобы над ними ни которое лихо не учинилось, по сей перемирной грамоте, и по крестному целованью». Такая статья, гарантирующая «чистый путь» и «бережение» всем русским послам в иностранные государства и всем иностранным послам в Россию, в начале XVI в. встречается также в договорах с Польшей и с Тевтонским орденом — государствами, через которые, так же как и через ганзейские города, проходили посольские пути в Россию из Западной Европы.⁶¹ Появление ее — показатель широкого развития дипломатических сношений между Россией и Западной Европой на рубеже XV и XVI вв.

Ст. 23 необычна для русско-ганзейских договоров не только потому, что не встречалась раньше, но прежде всего потому, что содержание ее не соответствует содержанию предшествующих русско-ганзейских договоров, торговых по своему характеру. Статья включает политические обязательства Ганзы по отношению к России: «А что великого государя Василя. . . недруг Жыкгимонт, король полской; и нам бергоместером, и ратманом, и купцом, и купецким детем, и всем семидесят городом к Жыкгиманту королю, ни к подвластным его городом никак не приставати, ни помочи нам им не давати, по сем перемирным грамотам и по крестному целованью».⁶²

История этой статьи такова: в 1509 г., стремясь предотвратить повторение союза Литвы с Ливонией против России, русское правительство настояло на включении в мирный договор Новгорода с Ливонией условия, обязывающего Ливонский орден сохранять нейтралитет в случае войны между Россией и Польшей и Литвой и не оказывать никакой помощи королю польскому и великому князю литовскому.⁶³ В 1510 г. это обязательство, дополненное новыми, русское правительство пыталось распространить и на Ганзу: в русский проект договора с Ганзой была внесена статья об обязательстве Ганзы не оказывать помощи против России в случае военных действий не только Польше и Литве, но и Швеции, и даже ливонскому магистру.⁶⁴

⁶¹ В договоре с Польшей (1503 г.) статья сформулирована в виде равного двустороннего обязательства договаривающихся государств, в договоре с Тевтонским орденом (1517 г.), так же как и в нашем договоре с Ганзой, в виде одностороннего обязательства Ордена и Ганзы по отношению к России (СГГД, стр. 26, 73, 77—78).

⁶² СГГД, стр. 60.

⁶³ СГГД, стр. 41; LUB 2, Bd. III, стр. 419.

⁶⁴ «Off itlike dinghe upstunden mit dem grotmechtigen heren keyser aller Russen mith Sigismundus, deme koninge van Polen, unnd dem grotforsten van Littouwen, de borgermeister unnd rathmannen, alle Iude der 73 steder Sigismundus dem konige edder eynem anderen koninghe, de dar kometh in dat koninkrike van Polen unnd in dat forstendom tho Littow. sullen ome neynerleye hulpe don neynerleye wys; dem geliken de[m]e here[n] mester van Lifflande unnd hele Lifflander lanth unnd Zwanthe, vorweszer van Sweden, unnd dat hele landt Swedenrike sullen

Во время переговоров 1514 г. русская сторона вновь выдвинула требование о нейтралитете Ганзы в случае внешнеполитических осложнений России. Ганзейские послы, сообщая о переговорах, писали, что русские хотят получить от городов обязательство не оказывать никакой помощи — ни деньгами, ни войском — ни ливонскому магистру, ни другим правителям, которые являются или станут врагами великого князя. В ходе переговоров русские сузили свои требования, ограничив их только Польшей. И на это ганзейские послы вынуждены были согласиться.⁶⁵

Впервые в своей истории Ганзейский союз оказался связанным политическими обязательствами по отношению к России. Возможно, что согласие ганзейских послов на требование русского правительства, которое в предыдущие годы Ганзой решительно отвергалось, было обусловлено в какой-то степени заключением союзного договора между Россией и Империей, направленного своим острием против Польши. Как бы то ни было, обязательство Ганзы не оказывать помощи Польше являлось, в условиях происходившей русско-литовской войны (король польский был одновременно и великим князем литовским), значительным успехом русской дипломатии, свидетельствующим о возрастании влияния России в политической жизни Европы. Последняя ст. 24 договора включает часто встречающееся в русско-ганзейских договорах правило о том, что в случае конфликтов Новгорода и Пскова с Ливонией и Швецией русских послов и купцов в ганзейских городах «не порубать», так же как и немецких в Новгороде.⁶⁶

Заключение содержит обычные для формуляра новгородско-ганзейских договоров указания на утверждение договора посредством целования креста на договорной грамоте и привешивания к ней печатей представителями обеих сторон.

Договор 1514 г. был заключен, как мы уже указывали, от имени Ганзы представителями Дерпта и Ревеля, которым еще в 1511 г. на ганзейском съезде в Любеке было поручено вести переговоры

neune hulpe don neunerleye wys...» (HR 3, Bd. V, № 544, стр. 671. Проект договора).

⁶⁵ «Dar umme am g'rot|[f]orsten] upgegageth in der Muskow, sunderlinghes dath syne andacht unde meninghe wasz, die Iflendisschen unde alle hensestede van erer g. (имеется в виду ливонский магистр, — *Н. К.*) aftosunderen unde van allen anderen herren, de siene vinde sin und thokunftlichlichen werden muchten, noch meth gelde ofte folke wedder en nicht tho sterken... Sus stan alle dinck up guderen reden, allene dath wie nu thor tith k. m. tho Palen nicht sollen sterken wedder den g'rot|[f]orsten], des wie unsz denne musten bogeven, wolde wie nicht sunder frede dar dem copman unde dissen landen nicht wenig an gelegen is, afkamen» (HR 3, Bd. VI, № 552. Письмо послов Ревеля и Дерпта Вальтеру Плеттенбергу).

⁶⁶ СГД, стр. 60.

с русскими о восстановлении мира.⁶⁷ Однако когда послы прислали Любеку сообщение о достигнутом ими мире, то оно вызвало бурю негодования. Любек, Данциг и некоторые другие ганзейские города выражали удивление по поводу того, как ливонские города могли согласиться на мир, содержащий такие неприемлемые для Ганзы условия.⁶⁸ Несомненно, что ливонские города, подписывая договор, заботились не о престиже Ганзы и не об интересах Ганзейского союза в целом, а о своих собственных насущных потребностях. Для ливонских городов, жизненно заинтересованных в развитии торговли с Россией, восстановление торгового мира с нею было настоятельной необходимостью. И они его заключили. Несмотря на отрицательное отношение руководящей группы ганзейских городов к заключенному с Россией договору, в конце концов они вынуждены были его признать: посланную Любеку летом 1514 г. новую редакцию скры, составленную ливонскими городами после открытия немецкого двора в Новгороде, Любек, как кажется, утвердил,⁶⁹ и в 20-х годах XVI в. ганзейские съезды, как и раньше, занимались делами новгородской конторы.⁷⁰

Исследование договора 1514 г. позволяет сделать следующие выводы:

1) Договор включает юридические нормы, регулировавшие как процесс торгового обращения между Россией и Ганзой, так и различные вопросы, с ним связанные. В договоре отражено право торговое, морское, процессуальные нормы, посольское право, и, наконец, он содержит политические обязательства Ганзы по отношению к России. Статьи договора систематизированы и расположены в определенной последовательности. Четкая систематизация материала, охват различных сфер международного права, наличие целой группы статей, посвященных вопросам торгового мореплавания (подобного раздела нет ни в одном из договоров России вплоть до эпохи Петра)⁷¹ — все это делает договор 1514 г. одним из интереснейших памятников международного права феодальной России.

2) Договор свидетельствует о том, что в русско-ганзейских отношениях в начале XVI в. перевес сил оказался на стороне России. Этот вывод позволяет сделать уже определение источников дого-

⁶⁷ HR 3, Bd. VI, № 188. Рецесс ганзейского съезда в Любеке в 1511 г., § 60.

⁶⁸ Там же, №№ 587, 588, 589, 592. Переписка ганзейских городов, относящаяся к 1514 г.

⁶⁹ HR 3, Bd. VI, № 583. Письмо Дерпта Ревелю от 22 июля 1514 г.; W. Schlüter, Die Nowgoroder Scha in sieben Fassungen von XIII. bis XVII. Jahrhunderts. Dorpat, 1914, стр. 40.

⁷⁰ HR 3, Bd. VII, Leipzig, 1905, № 413. Рецесс ганзейского съезда в Любеке в 1521 г., § 241г и сл.

⁷¹ В договорах с Швейцарией и Англией начиная с конца XVI в. встречается лишь пункт о взаимном освобождении от берегового права.

вора. Лишь сравнительно небольшая часть его статей восходит к нормам новгородско-ганзейских договоров периода новгородской самостоятельности. Большая же часть статей для формуляра последних является новой. Основными источниками новых статей послужили статьи договора 1487 г., внесенные в него по настоянию русской стороны, требования, предъявлявшиеся русским правительством к Ганзе в конце XV—начале XVI в., нормы русско-ливонских договоров начала XVI в., выработанные также под русским влиянием.

3) Особенно наглядно печать интересов России проступает в содержании договора. Хотя по договору Ганза добилась открытия немецкого двора и восстановления для своих купцов торговли в Новгороде «по старине», хотя некоторые статьи договора соответствовали стремлениям ганзейцев (разрешение торговли на выбор — либо по единицам меры, либо по весу, снятие запрета с ввоза в Россию соли, предоставление Ганзе права непосредственных посольских сношений с великим князем), но большинство статей отвечало интересам в первую очередь русской стороны и было внесено в договор по ее настоянию. Это относится к статьям, регулировавшим торговое мореплавание, разрешавшим ввоз в Россию всех товаров, в том числе имевших военное значение, устанавливавшим представительство сторон при разборе уголовных дел, обязывавшим ганзейцев беречь русские церкви и концы за границей и т. д. С особой силой перевес России сказывается в одностороннем обязательстве ганзейских городов не поддерживать врага России — Польшу. Никаких аналогичных обязательств в отношении государств, враждебных Ганзе, Россия не давала. Изменение соотношения сил в пользу России было закономерно: в рассматриваемый исторический период в условиях образования и укрепления в Европе централизованных феодальных монархий силы Ганзы, средневекового союза городов, слабели, и она вынуждена была уступать свои позиции купечеству централизованных государств.

4) Договор 1514 г. — яркий памятник торговой политики Русского централизованного государства. Этим договором правительство Василия III завершало в известной мере борьбу с Ганзой, начатую (правда, непоследовательно) еще в первой половине XV в. Новгородом и продолженную затем правительством Ивана III в конце XV в. Целью борьбы с Ганзой являлась не только ликвидация привилегий ганзейцев в Новгороде, но и развитие заграничной торговли русского купечества. Последней задаче и было подчинено все содержание договора 1514 г., основное назначение которого заключалось в содействии развитию русского торгового мореплавания и созданию наиболее благоприятных условий для деятельности русских купцов за рубежом. Договор 1514 г. был рас-

считан прежде всего на торговлю русских купцов в Ливонии: это доказывается пунктом о русских церквях и концах в немецких городах (они были только в городах Ливонии), введением представительства от ливонских городов при разборе уголовных дел, включением в договор норм русско-ливонских договоров. Утверждение независимости русской внешней торговли посредством покровительства торговле русского купечества в Ливонии — таково одно из направлений торговой политики Русского централизованного государства начала XVI в., засвидетельствованное договором с Ганзой 1514 г.
